

ЗА РУБЕЖОМ

Таня из Хошимина

Тревожная телефонная трель раздалась ровно в двенадцать ночи.

— Ким Кьонг? Ваш сын у нас, — проговорила трубка мужским голосом. Кто-то старался быть спокойным, уверенным и явно переигрывал в своем старании (она, актриса, сразу это почувствовала). — Он вернется домой, если вы выполните наши условия. В полицию не стоит обращаться — это только повредит мальчику.

Короткие гудки. Растерянность. Беспокойство матери за жизнь единственного сына. Сегодня популярная драматическая актриса Вьетнама, «звезда» театра и кино, считает события тех лет «своей маленькой войной». Но в судьбе самой актрисы, да и вообще творческой интеллигенции юга СРВ, они занимали значительное место.

Ким Кьонг родилась в театральной семье — актриса в четвертом поколении. На пустой сцене вместе с такими же «детьми театра» начала играть в куклы. За кулисами в перерывах между репетициями мать обучала ее чтению и письму.

Широкая известность пришла к актрисе из Сайгона в шестидесятые годы. Фильмы с ее участием завоевали ряд престижных призов на различных киносмотрках в столицах азиатских государств. Вскоре Ким Кьонг основала собственную независимую компанию по производству фильмов. Оказалось, что «восходящая звезда», как ее называла пресса тех лет, обладала и недооцененными административными способностями. Акции компании быстро набирали высоту.

Сама же Ким Кьонг чаще появлялась на театральной сцене, выбирала серьезные драматические роли, позволившие ей не только полнее раскрыться как актрисе, но и заставившие зрителей задуматься всерьез о мире, в

котором они живут, о судьбе страны, о будущем Вьетнама. Героинь Ким Кьонг всегда отличали гуманизм, стремление обрести собственное «я» в любых обстоятельствах. В чередке низкопробных подделок сайгонских студий ленты с участием Ким Кьонг выделялись, как бриллиант чистой воды среди дешевых стекляшек. Кстати, имя актрисы переводится с вьетнамского как «Бриллиант».

Весной 1975 года, когда до краха марионеточного режима в Южном Вьетнаме оставались считанные недели, Ким Кьонг начали склонять к отъезду. С ней подолгу беседовали высокопоставленные чиновники, представители американского посольства в Сайгоне, сулили «золотые горы» на Западе, пугали «красными», утверждали, что ее «звезда погаснет», чуть только коммунисты возьмут власть.

— Один подполковник южновьетнамской армии, — рассказала мне Ким Кьонг, — предлагал эвакуировать меня на военном самолете. При этом он изволил «пошутить»: «Если не уедешь, то я застрелю тебя». Губы его улыбались, но глаза смотрели холодно. Пришлось за две недели до освобождения Сайгона сбегать из дому, прятаться у друзей.

...Разграбленным я нашла свое жилище после возвращения. Так до сих пор и не знаю: то ли мне метили за намерение покинуть Вьетнам, то ли «в гостях» побывали воры. Впрочем, и у тех, и у других — одинаковый почерк.

Передо мной встал вопрос: что делать дальше? И я решила: конечно же, продолжать работать.

Актриса создает театраль-

ную труппу, которую теперь все называют «Труппа Ким Кьонг». На сцене были возобновлены постановки забытых пьес, таких, как «Листья хлебного дерева», «Под двухцветными одеяниями». В них звучал социальный протест простой вьетнамской женщины, ее разочарование старым укладом жизни, вера в справедливость.

И почти сразу началась та самая «маленькая война». На Ким Кьонг оказывали давление, но, естественно, не коммунисты, как ей предрекали, а контрреволюция призывала бойкотировать ее спектакли, нанимала хулиганов, освистывавших представления. В этой борьбе победили талант актрисы, любовь к ней простых зрителей, поддержка друзей. На сцене с успехом прошла написанная самой Ким Кьонг пьеса «Ключ». В центре ее сюжета — буржуазная семья, дошедшая до крайности в слепом неприятии всего нового, что принес социализм на юг Вьетнама. Ким Кьонг сумела этим спектаклем ясно сказать: нежелание честно смотреть жизни в глаза, закоснелое неприятие перемен ведут в тупик. Не только социальный, но и нравственный.

Тогда в адрес Ким Кьонг начали поступать анонимные письма. Врань, угрозы раздавались и по телефону. Как-то в ее машину бросили гранату, по счастью, не взорвавшуюся.

— Планомерная атака, которой подвергалась творческая интеллигенция юга Вьетнама со стороны противников социализма, преследовала четкую цель, — говорит Ким Кьонг. — Если не удалось уговорить деятелей культуры и искусства покинуть родину,

надо заставить их замолчать. А когда бандиты увидели, что я не испугалась их угроз, они похитили моего сына.

От Ким Кьонг в качестве условия возвращения домой ее сына потребовали навсегда уйти со сцены.

— Тогда, в 1978 году, целый месяц маленький Зя Винь находился в руках бандитов, — рассказывает она. — Поддерживало только одно: я знала, что на меня смотрят другие люди — актеры, поэты, музыканты. На них тоже оказывали давление, им тоже угрожали. Если бы я не выдержала, в их душах могло бы зародиться сомнение в правильности нашего пути.

Зя Виня спасли через месяц. А уже через две недели после его возвращения домой Ким Кьонг снова вышла на сцену. Вскоре в ее театре состоялась премьера пьесы Арбузова «Таня». Спектакль с Ким Кьонг в главной роли стал пользоваться таким успехом, что актрису многие начали называть «Таня из Хошимина». Потом труппа Ким Кьонг познакомила вьетнамских зрителей с «Иркутской историей», поставила пьесу Гельмана «Наедине со всеми». Ошиблись те, кто пророчил «закат бриллиантовой звезды» в «коммунистических застенках».

— Западные журналисты часто спрашивают, почему я не уехала из Вьетнама, — сказала мне Ким Кьонг. — Что им ответить? Я могла бы рассказать, что для актрисы родина — огромное поле интереснейшей работы, отрыв от которого равносильен смерти. Я могла бы рассказать, как зрители даже под дождем не уходят из парка, где мы на закрытой от потоков воды сцене даем очередной спек-

такль. Я многое могла бы рассказать... Но боюсь, что репортеры из стран Запада не поймут меня. «Как же так? — удивлялся один из них. — У вас же есть собственная вила во Франции, а вы решили остаться здесь...» Он говорил так, словно неодушевленное здание пусть в красивой, но чужой стране способно заменить мне Вьетнам, моих любимых зрителей, мой народ.

— Конечно, за одиннадцать лет после победы новой власти на юге Вьетнама мне пришлось пережить разное, — продолжает Ким Кьонг. — Приходилось бороться не только с врагами, но и, скажу честно, с собственными сомнениями. Просто, думаю, нужно всегда уметь видеть главное. Только тогда человек может остаться настоящим художником и творцом.

Е. ЛЕНГ,
соб. корр. АПН —
специально
для «Советской культуры».
ХОШИМИН.

● Ким Кьонг.

Фото из журнала «Вьетнам».